

Необыкновенное утро

В семь часов тридцать две минуты утра весёлый солнечный зайчик проскользнул сквозь дырку в шторке и устроился на носу ученика пятого класса Вольки Костылькова. Волька чихнул и проснулся.

Как раз в это время из соседней комнаты донёсся голос матери:

— Нечего спешить, Алёша. Пусть ребёнок ещё немножко поспит — сегодня у него экзамены.

— Ну что за чепуха! — ответил за перегородкой отец. — Парню уже тринадцать лет. Пускай встаёт и помогает складывать вещи.

Складывать вещи! Как он мог это забыть?!

Семья Костыльковых переезжала сегодня на новую квартиру.

Не успели напиться чаю, как в квартиру постучались. Затем вошли двое грузчиков. Они широко распахнули обе половинки двери и зычными голосами спросили:

— Можно начинать?

Волька торжественно вынес на улицу, к фургону, диванные валики и спинку. Его сразу окружили ребята, игравшие на дворе.

— Переезжаете? — спросил у него Серёжа Кружкин, весёлый паренёк с чёрными хитрыми глазами.

— Переезжаем, — сухо ответил Волька с таким видом, как будто он переезжал с квартиры на квартиру каждую шестидневку.

Подошёл дворник Степаныч, глубокомысленно свернул сигарку и неожиданно завёл с Волькой солидный разговор, как равный с равным. У мальчика от гордости и счастья слегка закружилась голова. Но вдруг из квартиры раздался раздражённый голос матери:

— Волька! Волька! Ну куда девался этот несносный ребёнок?

И всё сразу пошло прахом. Волька, понутив голову, пошёл в опустевшую квартиру, в которой сиротливо валялись обрывки старых газет и грязные пузырьки из-под лекарств.

— Наконец-то! — накинулась на него мать. — Бери твой знаменитый аквариум и срочно влезай в фургон.

Непонятно, почему родители так нервничают, когда переезжают на новую квартиру.

Таинственная бутылка

В конце концов Волька устроился в фургоне неплохо.

Внутри фургона царил таинственный прохладный полумрак. Если зажмурить глаза, можно было свободно представить, будто едешь где-то в Америке, в суровых пустынных прериях, где каждую минуту могут напасть индейцы и с воинственными кликами снять с тебя скальп. Старая бочка, в которой бабушка квасила на зиму капусту, удивительно напоминала бочки, в которых пираты старого Флинта хранили ром.

Сквозь дыры в стенке фургона проникали тонкие столбики солнечных лучей.

И вот наконец фургон, скрипя, остановился у подъезда их нового дома.

Отец, кое-как расставив вещи, сказал:

— Остальное доделаем после работы.

И ушёл на завод.

Мать совместно с бабушкой принялась распаковывать посуду, а Волька решил тем временем сбежать на реку. Правда, отец предупредил, чтобы Волька без него не смел ходить купаться, потому что тут страшно глубоко, но Волька быстро нашёл для себя оправдание.

«Мне необходимо выкупаться, — решил он, — чтобы была свежая голова. Как это я могу явиться на испытание с несвежей головой?!»

Это большое удобство, когда речка недалеко от дома. Волька сказал маме, что пойдёт на берег готовиться по географии.

Прибежав к речке, он быстро разделся и бросился в воду. Шёл одиннадцатый час, и на берегу не было ни одного человека. Обидно было, что никто не мог восторгаться тем, как красиво и легко Волька плавает и, в особенности, как он замечательно ныряет.

Волька наплавался и наныряться до того, что буквально посинел. Тогда он стал вылезать на берег. Он уже совсем было вылез из воды, но передумал и решил ещё раз нырнуть в ласковую прозрачную воду.

И вот в тот самый момент, когда он уже собирался подняться на поверхность, его рука вдруг нащупала на дне реки какой-то продолговатый предмет. Он схватил его и вынырнул у самого берега. В его руках была склизкая, замшелая глиняная бутылка очень странной формы. Горлышко было наглухо замазано каким-то смолистым веществом, на котором было выдавлено что-то отдалённо напоминавшее печать.

Волька прикинул бутылку на вес. Бутылка была тяжёлая, и Волька обмер.

«Клад! — мгновенно пронеслось у него в мозгу. — Клад со старинными золотыми монетами. Вот это здорово!»

Наспех одевшись, он помчался домой, чтобы в укромном уголке распечатать бутылку.

Волька вбежал в квартиру и, проскользнув мимо кухни, юркнул в комнату и прежде всего запер на ключ дверь. Затем вытащил из кармана перочинный нож и, дрожа от волнения, соскрёб печать с горлышка бутылки.

В то же мгновение вся комната наполнилась едким чёрным дымом и что-то вроде бесшумного взрыва большой силы подбросило Вольку к потолку, где он и повис, зацепившись штанами за ламповый крюк.

Старик Хоттабыч

Дым в комнате понемножку рассеялся, и Волька вдруг увидел, что в комнате, кроме него, находится ещё одно живое существо. Это был тощий старик с бородой по пояс, в роскошной шёлковой чалме, в таком же кафтане и шароварах и необыкновенно вычурных сафьяновых туфлях.

— Апчхи! — оглушительно чихнул неизвестный старик и пал ниц. — Приветствую тебя, о прекрасный и мудрый отрок!

— Вы иллюзионист из цирка? — догадался Волька, с любопытством оглядывая сверху незнакомца.

— Нет, повелитель мой, — продолжал старик, — я не иллюзионист из цирка. Знай же, о благословеннейший из прекрасных, что я Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, или, по-вашему, Гассан Абдуррахман Хоттабович. И случилась со мной — апчхи! — удивительная история. Я, несчастный джинн, послушался Сулеймана ибн Дауда — мир с ними обоими! — я и брат мой, Омар Хоттабович. И Сулейман ибн Дауд — мир с ними обоими! — приказал принести два сосуда: один медный, а другой глиняный, — и заточил меня в глиняном сосуде, а брата моего — в медном. Запечатал он оба сосуда, оттиснув на них величайшее из имён Аллаха, а потом отдал приказ джиннам, и они понесли нас и бросили брата моего в море, а меня — в реку, из которой ты, о благословенный спаситель мой, — апчхи, апчхи! — извлёк меня. Да продлятся дни твои, о... Извиняюсь, как твоё имя, отрок?

— Меня зовут Волька, — ответил наш герой, продолжая раскачиваться под потолком.

— А имя отца твоего, да будет он благословен во веки веков?

— Папу моего зовут Алёша... то есть Алексей.

— Так знай же, о превосходнейший из отроков, звезда сердца моего, Волька ибн Алёша, что я буду делать впредь всё, что ты мне прикажешь, ибо ты меня спас из страшного заточения, и я твой раб.

— Почему ты так чихаешь? — осведомился ни с того ни с сего Волька.

— Несколько тысяч лет, проведённых в сырости, без благодатного солнечного света, в глубинах вод, наградили меня, недостойного твоего слугу, хроническим насморком. Повелевай мной, о мой юный господин! — с жаром закончил Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, продолжая оставаться на коленях.

— Я желаю немедленно очутиться на полу, — неуверенно промолвил Волька.

И в то же мгновение он оказался внизу, рядом со стариком Хоттабычем. Первым делом Волька схватился за штаны. Штаны были абсолютно целы.

Начинались чудеса.

Испытание по географии

— Повелевай мной, — продолжал старик Хоттабыч, глядя на Вольку преданными, собачьими глазами. — Нет ли у тебя какого-нибудь горя, о Волька ибн Алёша? Не гложет ли тебя тоска?

— Гложет, — отвечал застенчиво Волька. — У меня сегодня испытание по географии.

— Не беспокойся, о мой повелитель! — возбуждённо заорал старик. — Знай же, что тебе неслыханно повезло, о красивейший из отроков, ибо я больше всех джиннов богат знаниями по географии. Мы пойдём с тобой вместе в школу, да будут благословенны её фундамент и крыша! Я тебе буду незримо подсказывать ответы на все вопросы, и ты прославишься среди учеников твоей школы и среди учеников всех школ твоего великолепного города.

— Замечательно! — сказал Волька.

Он уже открыл дверь, чтобы пропустить вперёд себя Хоттабыча, но тут же снова закрыл её.

— Придётся тебе сменить одежду.

Через две минуты из дома, в котором с сегодняшнего дня проживала семья Костыльковых, вышел наш герой, держа под руку старика Хоттабыча. Хоттабыч был великолепен в новой пиджачной паре из белого полотна, украинской вышитой сорочке и твёрдой соломенной шляпе канотье. Единственной деталью его туалета, которую он ни за что не согласился сменить, были туфли. Ссылаясь на мозоли трёхтысячелетней давности, он остался в вычурных, богато расшитых золотом и серебром туфлях.

* * *

— Костыльков Владимир! — торжественно провозгласили за столом, где сидела комиссия.

Волька нехотя встал из-за парты, неуверенным шагом подошёл к столу и вытащил билет № 14 — «Форма и движение Земли».

— Так, — сказал разомлевший от жары член комиссии. — Так, так, Костыльков. Что же ты можешь рассказать о горизонте?

Волька вдруг почувствовал, что какая-то неведомая сила против его желания раскрыла ему рот.

— Горизонтом, о высокочтимый мой учитель, — начал он и тут же облился холодным потом, — я осмелюсь назвать, с твоего позволения, ту грань, где хрустальный купол небес соприкасается с краем Земли.

— Что такое, Костыльков? — удивился экзаменатор. — Хрустальный свод — в переносном или буквальном смысле?

— В буквальном, — прошептал за дверью старик Хоттабыч.

И Волька, чувствуя, что несёт несусветную чепуху, ответил:

— В буквальном, о учитель!

Он не хотел этого говорить, но слова вылетали сами, помимо его желания.

Ученики, изнывавшие на партах в ожидании своей очереди, встрепенулись и зажужжали, как шмели.

— Значит, как же? — забеспокоился экзаменатор. — Значит, небо — это твёрдый купол?

— Твёрдый, — отвечал убитым голосом Волька, и крупные слёзы потекли по его щекам.

— Да-а... — протянул экзаменатор и с любопытством посмотрел на Вольку. — А что ты можешь сказать насчёт формы Земли?

Старик Хоттабыч что-то трудолюбиво забормотал в коридоре.

«Земля имеет форму шара», — хотел было сказать Волька, но по не зависящим от него обстоятельствам отвечал:

— Земля, о достойнейший из учителей, имеет форму плоского диска и омывается со всех сторон величественной рекою — Океаном. Земля покоится на шести слонах, а те, в свою очередь, стоят на огромной черепахе. Так устроен мир, о учитель!

Старик Хоттабыч в коридоре одобрительно кивал головой.

Весь класс помирал со смеху.

— Ты, наверно, болен, Воля? — участливо спросил у него директор школы и пощупал его лоб, мокрый от пота: — Придётся, когда выздоровеешь. И я сам проверю твои знания по географии.

По ту сторону дверей Вольку встретил сияющий Хоттабыч.

— Заклинаю тебя, о юный мой повелитель, — сказал он, обращаясь к Вольке, — потряс ли ты своими знаниями учителей своих и товарищей своих?

— Потряс, — ответил, вздохнув, Волька и с ненавистью посмотрел на старика Хоттабыча.

Старик Хоттабыч самодовольно ухмыльнулся.

Хоттабыч действует вовсю

Домой идти не хотелось. На душе у Вольки было отвратительно, и хитрый старик почувствовал что-то неладное.

Добрых три часа он рассказывал своему спасителю, сидя на скамейке на берегу реки, о разных своих похождениях. Потом Волька вспомнил, что мама дала ему деньги на билет в кино.

— Знаешь что, старик, — сказал Волька, — сходим в кино!

— Твои слова для меня закон, о Волька ибн Алёша, — смиренно отвечал старик. — Но скажи мне, сделай милость, что ты подразумеваешь под этим непонятым для меня словом: кино?

— Каждый ребёнок знает, что такое кино. Кино — это... — Тут Волька неопределённо поводит в воздухе руками и добавил: — Ну, в общем, придём — увидишь.

Около кинотеатра стояла большая очередь в кассу. Над кассой висел плакат: «Детям до шестнадцати лет вход воспрещён».

— Что с тобой, о красивейший из красавцев? — всполошился Хоттабыч, увидев, что Волька вдруг снова помрачнел.

— А то со мной, — с досадой ответил Волька, — что из-за твоих рассказов мы опоздали на дневной сеанс. Теперь пускают уже только с шестнадцати лет. И потом — видишь, какая очередь. Домой идти не хочется...

— Ты не пойдёшь домой! — заорал на всю площадь старик Хоттабыч. — Не пройдёт и одного мгновения,

как нас пропустят в твоё кино, и мы пройдем в него, окружённые вниманием и восхищением.

— Да что ты кричишь, старая ты балда! — взорвался Волька.

— А что такое балда? — почему-то участливо заинтересовался старик.

— Ну, балда — это вроде мудреца, — смутился Волька.

Хоттабыч удовлетворённо качнул головой.

«Старый хвастунишка!» — выругался про себя Волька, сжав кулаки. И вдруг обнаружил в правом кулаке два билета восьмого ряда.

— Ну идём, — сказал старик Хоттабыч, которого буквально распирало от счастья. — Теперь-то они тебя пропустят.

— Ты уверен в этом? — осведомился Волька.

— Так же, как в том, что тебя ожидает великое будущее, — сказал он и подвёл Вольку к зеркалу, висевшему около контроля.

Волька обмер. Из зеркала на него глядело уродливое существо: в коротких штанишках, в пионерском галстуке и с бородой апостола на розовом мальчишеском лице.

Необыкновенное пришествие в кино

Торжествующий Хоттабыч поволок Вольку вверх по лестнице, на второй этаж, в фойе. Наш герой, онемевший от тоски, старательно прикрывал руками продолжавшие бурно расти бороду и усы. Контролёрша сурово начала:

— Мальчик, детям до шестна...

Но Волька совершенно машинально отнял руки от своего подбородка, и контролёрша поперхнулась.

— Пожалуйста, гражданин, — сказала она и дрожащими от страха руками оторвала контрольные талоны билета.

Около самого входа в зрительный зал скучал Женя Богорад, круглолицый коренастый паренёк, выглядевший значительно старше своих четырнадцати лет.

Это был старинный Волькин приятель. Он невыносимо страдал от одиночества. Ему не терпелось рассказать хоть кому-нибудь, как сегодня Волька сдавал испытание по географии.

В самых дверях его сшиб с ног старик в канотье и расшитых золотом туфлях, который тащил за руку самого Вольку Костылькова.

— Волька! — крикнул ему Женя и помахал рукой.

Но Костыльков не выказал никаких признаков особой радости.

Он даже, наоборот, демонстративно ушёл в самый дальний угол фойе, и Женя обиделся. Он был очень гордый.

Кино Афиша

«Ну и не надо», — решил он и пошёл в буфет выпить стаканчик сидро.

Поэтому он не видел, как вокруг его приятеля и странного старика начал толпиться народ. Когда же он попытался пробиться к Костылькову, было уже поздно.

— Скажите, пожалуйста, в чём дело? — спрашивал Женья, неумолимо работая локтями.

Но ему никто не отвечал. Все стремились в заветный угол фойе, где, сгорая от стыда, притаился Волька Костыльков.

Тогда навести порядок решил сам директор кино. Он откашлялся и громко произнёс:

— Граждане, разойдитесь! Что, вы бородатого мальчика не видели, что ли?

Хоттабычу было не по себе. Он не знал, что делать.

— О мой юный повелитель! — нервно сказал он. — Прикажи, и все эти презренные зеваки будут превращены в прах вместе с этим трижды проклятым кино.

— Не надо, — горестно ответил Волька, и крупные слёзы покатались по его щекам и пропали в гущу его бороды.

Эта новость немедленно стала известна всем окружавшим Вольку.

— Бородатый мальчик плачет, — пошёл шёпот по всей толпе.

Потом лицо Костылькова вдруг просветлело. Он быстро повернулся к старику и сказал ему голосом, дрожащим от радостного волнения:

— Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, слушай мой приказ! Я приказываю тебе, Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб: сделай так, чтобы с моего лица пропала эта проклятая растительность.

— Но тебя тогда выгонят из кино, — пытался было возразить старик. Однако, увидев нетерпеливый жест Вольки, он покорно ответил: — Слушаю и повинуюсь, о красивейший из красавцев!

Хоттабыч что-то зашептал, сосредоточенно прищёлкивая пальцами.

Борода и усы на Волькином лице оставались без изменений.

Старик Хоттабыч, к удивлению и восторгу окружающих, вдруг повалился на пол и начал, катаясь по пыльному паркету, бить себя в грудь и царапать лицо.

— О, горе мне, — вопил при этом Хоттабыч, — о, горе мне! Тысячелетия, проведённые в этой проклятой бутылке, дали себя знать. Отсутствие практики, увы, губительно отразилось на моей специальности. Прости меня, о юный мой спаситель, но я ничего не могу поделать с твоей бородой и твоими усами! Я не могу избавить тебя от бороды и усов... Я позабыл, как это делается!

Волька со злостью дёрнул самого себя за бороду, застонал и, схватив хныкающего Хоттабыча за руку, поплёлся с ним к выходу сквозь вежливо расступившуюся толпу.

— Куда мы направляем сейчас свои стопы, о Волька? — плаксивым голосом спросил старик.

— В парикмахерскую. Бриться. Немедленно бриться!

В парикмахерской

Парикмахерская была переполнена клиентами. Небритый мастер высунул своё распаренное лицо из мужского зала и крикнул хриплым голосом:

— Очередь!

Тогда из укромного уголка около самой вешалки вышел и уселся в парикмахерском кресле мальчик с лицом, наполовину закутанным в какую-то белую тряпочку.

— Прикажете постричь? — галантно осведомился парикмахер.

— Побрейте меня, — ответил ему сдавленным голосом мальчик и развязал платок, в котором были спрятаны его борода и усы.

«Вот что значит работать в душном помещении в такую жару, — подумал с тоской парикмахер. Он решил, что у него галлюцинация. — Доработался!»

— Побрейте меня, — продолжал мальчик. — Только как можно скорее.

Парикмахер понял, что это не галлюцинация, сразу повеселел и, ухмыльнувшись, ответил:

— Я бы на вашем месте, молодой человек, не брил бороду, а поступил бы в цирк. Вы бы там с такой личностью смогли вполне свободно заработать бешеные деньги.

— Да брейте же поскорее! — крикнул Волька, опасно глядя на соседние кресла.

Парикмахер, глупо хихикая, приступил к делу. Но было уже поздно, потому что все присутствующие в парикмахерской заметили необыкновенного клиента.

Клиенты с намыленными щеками, с наполовину побритыми затылками, фыркая и подталкивая друг друга локтями, бесцеремонно обменивались мнениями насчёт Волькиной физиономии.

Но вот уже последняя полоска мыла снята вместе с волосами с Волькиного лица, и мастер сказал, давсь от смеха:

— Напрасно всё-таки изволили сбривать такую ценность. С такой бородой прямая дорога в цирк.

В ответ на эту прощальную реплику вся парикмахерская грохнула таким хохотом, как будто было сказано что-то необыкновенно остроумное.

И тогда встал со своего места Гассан Абдурахман ибн Хоттаб, поднял вверх руки и громовым голосом произнёс:

— Презреннейшие из презреннейших, глупейшие из глупцов! Вы, смеющиеся над чужими несчастиями, находящие веселье в насмешках над горбатыми, разве достойны вы носить имя людей!

И он махнул руками.

Через полминуты из дверей парикмахерской выбежали, дробно цокая копытцами, девятнадцать громко бляевших баранов.

Деятнадцать баранов

А перед этим происшествием хохот стоял такой, что прохожие останавливались, недоумённо заглядывали в окна и двери парикмахерской, собирались кучками у входа и, ещё не зная, в чём дело, смеялись.

— Очередь! — самодовольно провозгласил парикмахер, стараясь перекрыть весёлый шум в зале. Он деловито вытер бритву, обернулся к клиентам и внезапно ослабевшим голосом простонал: — Ой, мама!

Он испуганно посмотрел в зеркало и увидел на редкость глупую баранью морду. Тогда он горько заплакал, встал на все свои новые четыре ноги и, цокая копытцами, выбежал вместе с остальными восемнадцатью баранами из парикмахерской.

Печально блеявшее стадо сразу застопорило всё уличное движение.

Неизвестно, сколько продолжался бы этот ералаш, если бы случайно не проходил в это время мимо отец Волькиного приятеля Серёжи Кружкина — Александр Никитич, сотрудник научно-исследовательского института овцеводства.

— Вот это бараны! — воскликнул Кружкин с искренним восхищением. — Прелесть какие бараны! Товарищ милиционер, чьи это бараны?

Милиционер в ответ только растерянно развёл руками, и тогда Александру Никитичу пришла в голову дерзкая и не совсем похвальная мысль.

— Позвольте, позвольте... — сказал он, как бы припоминая что-то. —

Позвольте, да ведь это, кажется, подопытные бараны, убежавшие сегодня из нашего института! Ну, конечно! Я узнаю вот этого молоденького барашка, я веду над ним наблюдения уже не первый месяц.

Как мы увидим впоследствии, Александр Никитич, сам не зная того, не врал насчёт этого барашка.

Стадо дружно заблеяло. Милиционер, весьма довольный, что нашёлся хозяин этого приبلудного стада, отрядил двух дворников, которые погнали девятнадцать горемычных баранов в чистый, высокий и светлый хлев научно-исследовательского института овцеводства.

Что касается Александра Никитича, то он наблюдал за поведением баранов спокойно, с большим интересом, что-то прикидывая в уме. Очевидно, он обдумывал какие-то свои планы,

связанные с новыми обитателями институтского хлева, потому что один раз у него вырвалась фраза:

— М-да! Одного из них придётся, пожалуй, зарезать, чтобы проверить качество мяса...

Услышав эти слова, бараны пришли в такое буйное состояние, что институтским служащим с большим трудом удалось их приковать цепями за ноги к стойлам.

Александр Никитич всё ещё никак не мог налюбоваться на баранов.

Кружкин-старший покинул помещение института поздно ночью, решив посвятить своей счастливой находке большую статью в журнале «Прогрессивное овцеводство».

Полный самых приятных мыслей, он отпер двери своей квартиры. Навстречу ему вышла его жена Татьяна Ивановна.

— Знаешь, Танюша... — начал Александр Никитич с воодушевлением и вдруг заметил, что у жены заплаканное лицо. — В чём дело, Татьяна?

— Шура... — сказала Татьяна Ивановна, и слёзы покатались по её лицу. — Серёженька... наш Серёжа...

Одним словом, Серёжа Кружкин как ушёл утром в школу, так до сих пор домой и не возвращался.

Беспокойная ночь

Стадо баранов, подгоняемое озабоченными дворниками, потянулось по направлению к научно-исследовательскому институту овцеводства. Уличная пробка немедленно стала рассасываться, и несколько десятков автобусов, грузовиков, легковых машин, трамваев и троллейбусов сразу тронулись с места. Зажглись притушенные фары, сердито зафыркали и запыхтели моторы, загудели сирены, раздражённо задребезжали трамвайные звонки. Тогда Хоттабыч страшно изменился в лице и громко возопил:

— О горе мне, слабому и несчастному джинну! Джирджис, могучий и беспощадный царь шайтанов и ифритов, не забыл нашей старинной вражды! И вот он наслал на меня страшнейших своих чудовищ!

С этими словами он стремительно отделился от тротуара, уже где-то высоко, на уровне третьего или четвёртого этажа, снял свою соломенную шляпу, помахал ею Вольке и медленно растаял в воздухе, крикнув на прощанье: